

Л и н г в и с т и к а

УДК 801: 316

Е.А. Оглезнева

ХАРБИН КАК МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ И МНОГОЯЗЫЧНЫЙ ЦЕНТР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XX в.: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Статья посвящена исследованию количественных характеристик уникальной языковой ситуации, сложившейся в XX в. в Харбине – китайском городе, построенном русскими в связи с сооружением Китайско-Восточной железной дороги.

The article is devoted to research in to quantitative characteristics of the phenomenal situation, which was arised in Russian Harbin in the XX century.

Проблема языковой ситуации, по мнению исследователей, является самой существенной и специфичной для социолингвистики, и в понятие языковой ситуации следует включать всю функциональную сторону языка [1, с. 127-130]. *Актуальность* описания языковых ситуаций вне сомнения. Во-первых, каждая из них по возможности должна быть учтена при целостном типологическом описании. Во-вторых, исследование конкретных языковых ситуаций позволяет оценить перспективность или бесперспективность языковой политики в отношении языка и прогнозировать тенденции языковой жизни [2, с. 134; 3, с. 102].

Под *языковой ситуацией* нами традиционно понимается «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [4, с. 616].

Конкретная языковая ситуация, таким образом, может представлять собой совокупность сосуществующих и взаимодействующих языков, каждый из которых может функционировать в разных своих формах (литературной, диалектной и др.). В связи с этим предлагается различать *экзогlossные* и *эндогlossные* языковые ситуации. Первые предполагают отношения межъязыковые: между данным языком и другими языками, а вторые – отношения между подсистемами (идиомами) одного языка [3, с. 102; 5, с. 36].

Русское присутствие на территории Китая в первой половине и середине XX в. было массовым: Харбин и линия КВЖД, Тяньцзинь, Шанхай, Пекин, Далянь, Циндао, район так называемого Трехречья. Ярче и сильнее всего русское присутствие, в том числе языковое, ощущалось в Харбине, многонациональном и быстро развивающемся городе, главном центре русской восточной эмиграции. Харбин был своеобразным Вавилоном – «международной выставкой рода человеческого», «многонациональным, разноликим и разноязычным городом» [6, с. 64]. Языковая ситуация в Харбине в первой половине и середине XX в. входит в число интереснейших и своеобразных.

Языковую ситуацию в Харбине следует характеризовать и как экзогlossную и как эндогlossную. С одной стороны, языки, функционировавшие в Харбине, сосуществовали друг с другом и контактировали между собой. Кроме китайского и русского, в Харбине говорили на

корейском, японском (особенно в период японской оккупации в 30-е гг. XX в.), польском, украинском, армянском, грузинском, татарском и других языках. С другой стороны, каждый из языков, функционировавших в Харбине, как правило, представлял собой совокупность идиомов и обладал, как минимум, двумя регистрами: высоким и низким. Имеется в виду наличие регистра для официального общения, роль которого может выполнять стандарт – литературная форма языка, и регистра для бытового или другого неофициального общения – разговорного языка. Априори данные регистры должны существовать в любом языке, имеющем письменную форму и выполняющем широкие общественные функции¹.

Охарактеризуем языковую ситуацию Харбина с учетом типологических признаков языковых ситуаций – количественных, качественных и оценочных – эстимационных [4, с. 616]².

Количественные характеристики языковой ситуации в Харбине в первой половине и середине XX в.

1. Число идиомов данной языковой ситуации

Число языковых образований – идиомов – будет равняться: а) с точки зрения экзогlossных отношений – числу языков, функционировавших в Харбине, а они были представлены в большом количестве: в городе проживали представители 28 [6, с. 63], а по другим источникам – 35 национальностей [8, с.4; 9, с.128]: китайцы, маньчжуры, корейцы, японцы, русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи, поляки, латыши, эстонцы, литовцы, татары, греки, французы, немцы и др., которые, полагаем (а в большинстве случаев располагаем фактами, подтверждающими это), говорили на своих родных языках; б) с точки зрения эндогlossных отношений – числу идиомов каждого функционировавшего в Харбине языка. Следовательно, языковая ситуация Харбина в рассматриваемый период являлась **поликомпонентной**. Такое положение дел обычно: языки чаще всего существуют в своих социальных и территориальных разновидностях (крайне редки как раз монокомпонентные языковые ситуации) [4, с.616]. Но поликомпонентность языковой ситуации в Харбине в первой половине и середине XX в. была чрезвычайной.

Подтвердим это краткой характеристикой языков, бытовавших в Харбине.

Китайский язык

А) Число носителей

Носители китайского языка в Харбине начала и середины XX в. численно преобладали над носителями других языков. Это язык страны проживания многонационального харбинского сообщества. См., например, данные первой переписи населения в Харбине в 1903 г., показавшие, что в городе проживали 28338 китайцев и 15579 русских подданных [6, с. 62], а также данные из статьи Юкико Кога (США), согласно которым в 1914 г. в Харбине проживали 45481 китаец, 34115 русских, кроме представителей других национальностей; в 1920 г. – 150414 китайцев, 131073

---

¹ «Если отвлечься от канонов, требующих выделения некоторого фиксированного либо бесконечного числа функциональных стилей, то в любом языке, – и китайский в этом плане наиболее показателен – выделяются два доминирующих регистра речи: максимально «книжный» и максимально «устный», между которыми существуют все остальные, которые можно считать комбинаторно-функциональными разновидностями» [7, с. 93].

² Анализ языковой ситуации в Харбине будет осуществлен с учетом типологических признаков языковых ситуаций, в обобщенном виде представленных в указанной статье. См. также о типологии языковых ситуаций в [3, с. 102-110].

русских; в 1922 г. – уже 183696 китайцев, 155402 русских, а в 1925 г. – 212863 китайца, 92852 русских [10, с. 320].

Б) Статус

Китайский язык выступает как *государственный*, являясь символом Китая как государства, в то же время он *официальный* в Китае, т.е. «язык государственного управления, законодательства, судопроизводства», и *титულный* – имеющий название, совпадающее с именем этноса, по которому названо национально-государственное образование [11, с. 42].

В) Подсистемы языка (идиомы)

Китайский язык был представлен не менее чем двумя идиомами: литературной формой, используемой в официальном общении, и народно-разговорной речью³.

Кроме того, вследствие привлечения на строительство КВЖД китайского населения из разных провинций Китая в Харбине рассматриваемого периода могли функционировать различные диалектные формы китайского языка⁴ в качестве средства общения внутри диалектных групп.

Русский язык

А) Число носителей

Число носителей русского языка в Харбине в начале и середине XX в. постоянно менялось, но всегда было меньше, чем число проживающих в Харбине носителей китайского языка, и больше, чем число носителей всех остальных языков, кроме китайского (см. представленные выше сведения о численности населения в Харбине).

Б) Статус

Русский язык был государственным языком России, граждане которой уехали в Китай строить КВЖД, должны находиться в совместном пользовании России и Китая в течение 100 лет. Таким образом, на дорогу распространялась российская государственность со всеми вытекающими отсюда последствиями. После революции до 1924 г. был период неопределенности в отношении железной дороги, после чего было подписано Соглашение между Советской Россией и Китаем, согласно которому дорога продолжала оставаться в совместном пользовании двух государств. Дорога была местом работы и источником средств к существованию многих русскоязычных. Можно утверждать, что на протяжении всего обслуживания КВЖД россиянами русский язык имел статус *официального* языка, поскольку обслуживал сферу производственных отношений, а также являлся языком деловой переписки и судопроизводства до отказа от экстерриториальности в 1920 г.

«Все делопроизводство на КВЖД велось на русском языке. Китайцы, которые работали на дороге, должны были знать русский язык», – писала Н.В. Райан, исследовательница языка русской диаспоры в восточном зарубежье и бывшая харбинка [14, с. 70-71]. Известно, что до 1926 г. в

---

³ Один из последних русских харбинцев, Владимир Алексеевич Зинченко, умевший говорить по-китайски, владел, по его словам, простонародной китайской речью, выученной им в общении с простыми китайскими людьми, в своем сознании он противопоставлял эту речь более высокой, простонародной. Также знает о древней письменной форме языка (вэньянь – *Е.О.*), противопоставленной разговорной [12]. Это является неофициальным свидетельством поликомпонентности китайского языка в указанный отрезок времени.

⁴ «Народная китайская речь разбивается на ряд диалектных групп, сильно различающихся прежде всего фонетически; определяют китайские диалекты обычно по географическому признаку. Литературный язык на основе северного (мандаринского) диалекта, являющегося и диалектом столицы Китая – Пекина. В течение тысячелетий литературным языком Китая служил вэньянь, сформировавшийся в середине 1-го тысячелетия до н. э. и просуществовавший как развивающийся, но непонятный на слух книжный язык до XX в., наряду с более близким к разговорному литературным языком байхуа. Последний стал основой современного единого китайского языка – пугуа (на основе северного байхуа) [13, с. 434].

Харбине было русское городское самоуправление, что также требовало использования русского языка как официального [14, с. 88].

В) Подсистемы языка (идиомы)

Русский язык в Харбине существовал в кодифицированной литературной форме во всем многообразии стилей (официально-делового, публицистического, научного, художественного, религиозно-проповеднического) и в разговорной разновидности. Кроме того, в Харбине были носители просторечной и диалектной форм русской речи, встречались элементы жаргона (возможно, и сам жаргон, но достаточных свидетельств тому не осталось). Таким образом, сферы бытования русского языка в Харбине были практически теми же, что и в метрополии. Все это свидетельствует о наличии полноценной русской языковой среды, способствовавшей наилучшему сохранению русского языка в восточной эмиграции.

Языки этнических сообществ, носители которых являлись русскоподданными

А) Число носителей

Установить достоверно состав этнических сообществ в Харбине и их численность не представляется возможным. Известно лишь, что они составляют часть того числа, которым исчислены русские. Произошло это по той причине, что русскими в документах обозначались, как правило, все русскоподданные, независимо от их национальной принадлежности. Эти цифры и фигурируют сейчас в научных источниках (см., например, [6, с. 62; 10, с.320; 9, с. 66]). Полагаем, что русскоязычные нерусской национальности составляют меньшую долю от общей численности русскоподданных в Харбине.

Б) Статус

Статуса *официального* языка этнических сообществ, носители которых являлись русскоподданными, не имели, так как эти языки не использовались в качестве языков управления, законодательства и судопроизводства. Никакого другого статуса, устанавливающего социальное положение этих языков, у них не было.

В) Подсистемы языка (идиомы)

Русскоподданные украинцы, белорусы, евреи, поляки, армяне, грузины и представители других национальностей использовали родной язык – язык этноса – в его обиходно-разговорном варианте при семейном, бытовом, неофициальном общении внутри этнических групп.

В официальном общении – в торгово-производственной сфере, в деловой переписке, судопроизводстве до отказа от экстерриториальности в 1919 г., в сфере образования – нерусские русскоподданные использовали русский язык, поскольку изначально будучи гражданами России и находясь на службе у нее, они владели ее государственным языком, который продолжал и вне метрополии выполнять важные государственные функции: был языком государственного управления и судопроизводства для российских граждан, независимо от их национальности.

В неофициальном общении с русскоговорящими русскоподданные украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи и представители других национальностей использовали русский язык.

Известно также о существовании в Харбине таких сфер жизнедеятельности некоторых этнических сообществ, в которых должны были употребляться литературные формы национальных языков: это образование и печать. Так, были открыты национальные школы: начальная украинская школа, первая украинская смешанная гимназия и двухклассное Высшее начальное училище, еврейская гимназия и еврейская национальная школа «Талмуд-Тора» им. Л.Ш. Скидельского, трудовая школа им. Шварц-Кауфман [15, с. 23], а также три польских национальных учебных заведения (гимназия им. Г. Сенкевича, школа В.Ф. Лазовского; Польское высшее начальное училище) [9, с. 129], польские приходские школы при костелах Св. Станислава и Св. Иосафата [6, с. 64]. Издавались и национальные периодические издания – такие, например,

как еженедельник «Тыгодник Польски» с приложением «Далеки Всхуд» [9, с. 129; 16, с. 468], польская газета «Ojczyzna» [17, с. 193], еврейский журнал «Га-дегел».

Таким образом, украинский, польский и еврейский языки в Харбине первой половины и середины XX в. были представлены не только обиходно-разговорной разновидностью родного языка, но и его литературной формой.

Языки других этнических сообществ в Харбине

А) Число носителей

Число носителей языков других этнических сообществ в Харбине, кроме китайцев и русскоподданных, было невелико. Так, в 1903 г. в Харбине проживало, кроме китайцев и русских подданных, 462 японца и 200 человек других национальностей [6, с. 62], в 1914 г. – 697 японцев, 43 англичанина, 63 корейца и 9352 человека других национальностей; в 1920 г. – 3759 японцев, 143 англичанина, 94 американца, 59 немцев, 50 французов, 722 корейца и 179 человек других национальностей; в 1922 г. – 3812 японцев, 182 англичанина, 106 американцев, 112 немцев, 83 француза, 714 корейцев и 36099 человек других национальностей; в 1925 г. – 3287 японцев, 150 англичан, 112 американцев, 143 немца, 130 французов, 962 корейца и 2030 человек других национальностей [10, с. 320]. В число представителей других национальностей входили китайские евреи, поляки (из Польши) и др. Европейское (немцы, французы, англичане) и американское присутствие было обусловлено вовлечением иностранных государств и их капитала в торгово-экономические отношения с Северо-Восточным Китаем.

Б) Статус

Языки рассматриваемых этнических сообществ в Харбине не имели какого-либо особого социального положения, не являясь по своему статусу ни официальными, ни титульными, ни государственными.

В) Подсистемы языка (идиомы)

Языковая компетенция представителей разных национальностей в Харбине была различной: от владения официальным и разговорно-обиходным вариантами родного языка до билингвизма и полилингвизма⁵.

К сожалению, в научной литературе почти нет информации о функционировании языков различных этнических сообществ в Харбине, поэтому ограничимся представленными выше построениями, очерчивающими примерный масштаб явления и показывающими его многообразие.

2. Демографическая мощьность идиомов

К количественным характеристикам языковых ситуаций относится **демографическая мощьность** идиомов, под которой понимается «число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала» [4, с. 616].

Отсутствие полных данных о количественной представленности различных национальностей в Харбине в начале и середине XX в. не позволяет составить целостной картины явления и рассмотреть данный показатель в динамике. Однако имеющиеся сведения о числе говорящих на разных языках в Харбине в разные периоды его существования как многонационального конгломерата отражают, пожалуй, типическое для Харбина состояние демографической мощьности отдельных идиомов.

Демографическая мощьность определялась для языков, функционировавших в Харбине в указанный период. Показатель определялся следующим образом: численность какой-либо

---

⁵ Так, примкнувшая к русской диаспоре в Харбине корейка В.П. Хан, 1923 г. р., знала родной для нее корейский язык, в детстве в Харбине выучила русский, а в зрелом возрасте – китайский.

национальности, представители которой проживали в Харбине, делилась на численность всего населения. Так, для 1914 г. демографическая мощность китайского языка соответствует показателю 0,5; русского языка – 0,38; японского – 0,007; английского – 0,0004; корейского – 0,0007; других языков, вместе взятых, – 0,104. Очевидно, что наибольшей демографической мощностью в Харбине в 1914 г. обладал китайский язык, следующий по демографической мощности – русский, демографическая мощность всех остальных языков в Харбине является гораздо меньшей. См. данные табл. 2, которая показывает динамику демографической мощности различных языков в Харбине. Табл. 1 дана для справки о численности населения в Харбине в разные отрезки его существования. Таким образом, на уровне экзоглоссии наибольшей демографической мощностью обладал в Харбине начала XX в. китайский язык: этим идиомом пользовалось большинство населения Харбина – китайцы. Следующий за ним на протяжении ряда лет – русский, что также обусловлено количественными характеристиками идиома – численностью русскоязычного населения (русские – вторая по численности после китайцев этническая группа в Харбине в начале и середине XX в.). Все остальные языки, функционировавшие в Харбине, отличались незначительной демографической мощностью. На уровне эндоглоссии – среди идиом китайского языка – наиболее демографически мощным был нижний регистр, или **разговорно-обиходная форма китайского языка**. Это происходило по причине «почти поголовно безграмотных китайцев, работающих на КВЖД» [18, с. 432], не знакомых с иными регистрами языка вследствие своей абсолютной или недостаточной грамотности. Таким образом, высокий регистр языка был использован не всем китайским населением, нижним же – разговорно-обиходным – владели все носители китайского языка, что и объясняет его высокую демографическую мощность.

Таблица 1

Количество носителей различных языков в Харбине до и после Октябрьской революции⁶

Годы	Рус.	Кит.	Япон.	Англ ⁷	Нем.	Франц.	Корейцы	Другие	Общий показатель
1914	34115	45481	697	43	0	0	63	9352	89751
1920	131073	150414	3759	237	59	50	722	179	286493
1922	155402	183696	3812	288	112	83	714	36099	380206
1925	92852	212863	3287	262	143	130	962	2030	312529

Таблица 2

Демографическая мощность языков, функционировавших в Харбине до и после Октябрьской революции

Годы	Рус.	Кит.	Япон.	Англ	Нем.	Франц.	Корейский	Другие	Общий показатель
1914	0,38	0,5	0,007	0,0004	0	0	0,0007	0,104	0,9921
1920	0,456	0,525	0,013	0,0008	0,0002	0,0002	0,003	0,0006	0,9988
1922	0,4	0,483	0,01	0,0008	0,0003	0,0002	0,002	0,095	0,9913
1925	0,297	0,681	0,01	0,0008	0,0005	0,0004	0,003	0,006	0,9987

Демографически мощными на уровне эндоглоссии – среди идиом русского языка – в Харбине являлись **разговорная форма русского литературного языка и кодифицированный русский литературный язык** в различных стилистических проявлениях. Демографическая

⁶ В табл. 1 использованы сведения из [10, с. 320].

⁷ Имеются в виду и британцы, и американцы.

мощность русского разговорного языка обусловлена большим количеством коммуникативных сфер, в которых он мог быть использован большим количеством людей при внутринациональном и межнациональном общении. Так, все русские в бытовом и другом неофициальном общении использовали эту форму, а также все русскоговорящие при общении с русскими и нерусскими русскоговорящими представителями других этнических групп. Функционирование в Харбине русско-китайского пиджина также допустимо рассматривать как опыт использования китайцами разговорной формы русского языка в неофициальном общении с русскими.

Вывод о демографической мощности русского литературного языка может быть подтвержден данными о количестве грамотного русскоговорящего населения Харбина, поскольку грамотность предполагает владение элементарными навыками литературной речи. Так, согласно однодневной переписи населения Харбина в 1913 г., по-русски грамотными являлись более 49,59% жителей города и пригородов, при этом грамотных на разных языках было 58,13% [18, 2002, с. 432]. Значит, грамотных не на русском языке было всего 8,54%. Понятно, что русской грамоте обучались не только русские по национальности, но и русскоподданные разных национальностей, а также китайцы; среди грамотных не по-русски были грамотные по-китайски, по-украински, по-польски и, возможно, др. Полагаем, что грамотные носители русского языка могли использовать его в ситуациях официального общения в литературной форме. Показанный уровень грамотности, в частности русской грамотности, в Харбине еще на заре его существования следует считать высоким для того времени, особенно в сравнении с аналогичным показателем в Европейской России и Сибири. По данным «Ежегодника» на 1907 г., в Европейской России грамотных было 22,9%, в Сибири – 12, 3%, в поселках Забайкальской железной дороги, которые образовались и развивались примерно в то же время и приблизительно в таких же условиях, что и Харбин, грамотных было 40,6% [18, с. 432].

Итак, языковая ситуация в Харбине по демографической мощности идиомов как с точки зрения экзоглоссии, так и с точки зрения эндоглоссии, являлась **разномощной**. По линии экзоглоссии наибольшей демографической мощностью обладал китайский язык, по линии эндоглоссии в китайском языке доминировала разговорная форма, в русском языке – также доминирующей среди других идиомов была разговорная форма.

3. Коммуникативная мощность идиомов

Данная величина определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер [4, с. 616].

Точно подсчитать число коммуникативных сфер, обслуживавшихся каждым функционировавшим в Харбине начала и середины XX в. языком, не представляется возможным, а это в свою очередь не позволяет достоверно определить коммуникативную мощность идиомов в Харбине рассматриваемого периода. Но приблизительное установление этой величины возможно.

Наибольшая коммуникативная мощность среди других идиомов, функционировавших в Харбине того времени, на уровне экзоглоссии была присуща **русскому языку**, а на уровне эндоглоссии – его литературной кодифицированной форме, так как именно она обслуживала максимальное число коммуникативных сфер, состав которых был непосредственно связан с высоким уровнем специализации жизнедеятельности русских в Харбине: промышленное производство, торговля, строительство, журналистика, юриспруденция, художественное творчество, театр, спорт и др.

Высокий («книжный») регистр **китайского языка** в Харбине, полагаем, был слабее по своей коммуникативной мощности, чем русский литературный язык: он не обслуживал некоторые из тех сфер коммуникации, которые существовали как необходимый атрибут русской харбинской

жизни, как эстетическая либо интеллектуальная потребность русского населения и репрезентировались соответствующими вариантами русского литературного языка. К этим сферам относятся, например, наука, театр, спорт и, возможно, некоторые другие. С течением времени и китайское население оказывалось вовлеченным в эти коммуникативные сферы; они развивались, параллельно развивалось и языковое средство – вариант (стиль) китайского языка, предназначенный для их обслуживания.

Безусловно, более слабыми по коммуникативной мощности были другие языки, функционировавшие в Харбине в начале и середине прошлого века, но и среди них мы наблюдаем различия в степени коммуникативной мощности. Так, польский язык, кроме бытовой сферы, обслуживал сферы образовательную, дипломатическую, религиозную и сферу массовой информации; украинский – также бытовую сферу, сферу массовой информации, театральную и религиозную; корейский – бытовую и религиозную; белорусский – только бытовую и т.д.

Если состав возможных коммуникативных сфер условно исчислить 11 единицами (производственная сфера, сфера торговли, юриспруденция, дипломатия, журналистика, школа, наука, религия, театр, спорт, быт), то коммуникативная мощность русского языка в начале и середине прошлого века в Харбине будет равняться 1; китайского языка – 0,73; польского – 0,45; украинского – 0,45; белорусского – 0,18; французского – 0,18; корейского – также 0,18. См. обобщенную информацию в табл. 3, в которой указаны наиболее важные сферы общественной коммуникации, языки, обслуживавшие эти коммуникативные сферы в Харбине, и показатели их коммуникативной мощности.

Таблица 3

Коммуникативная мощность языков в многонациональном Харбине

Сфера коммуникации	Производство	Торговля	Юриспруденция	Дипломатия	Журналистика	Образование	Наука	Религия	Театр	Спорт	Быт	Коммуникатив. мощность
Языки												
Русск.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	1
Китайск.	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	0,73
Польск.	-	-	-	+	+	+	-	+	-	-	+	0,45
Украин.	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	0,45
Белорус.	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	0,18
Франц.	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	0,18
Корейск.	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	0,18
Церковно-славянский	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	0,09

Необходимо заметить, что невысокий показатель коммуникативной мощности, равный 0,18, будет у всех тех функционировавших в Харбине **европейских языков (английского, немецкого, итальянского и др.)**, носители которых оказались в этом городе как представители дипломатического корпуса своих стран⁸. Их язык не использовался в сфере общественной коммуникации Харбина, перед носителями этих языков не стояла задача этнического

⁸ В Харбине в 1923 г. располагались, кроме представительства Российской Федеративной Советской Республики, великобританское, французское, американское, итальянское, голландское, латвийское консульства, японское императорское генеральное консульство, польское генеральное консульство, датское, бельгийское и шведское вице-консульства [19, с.102].

самосохранения, одним из способов решения которой было расширение коммуникативных сфер на родном языке. Европейские языки в Харбине использовались их носителями в дипломатической деятельности и как бытовые.

Показатель коммуникативной мощности, равный 0,18, у **корейского** языка, использовавшегося в бытовой и религиозной коммуникации. Такой же показатель коммуникативной мощности и те же сферы использования были у тех языков, носители которых переселялись в Харбин в поисках работы и средств к существованию, и их миграция не была непосредственно связана с государственными интересами и не имела политической подоплеки. Это касается, например, языков народов Китая, населявших Маньчжурию – **маньчжурского**, **монгольского** и некоторых других [19, с. 51].

Польский язык имеет показатель коммуникативной мощности 0,45. Известно, что, кроме поляков, прибывших в Харбин из России, были поляки из Польши, выполнявшие дипломатическую миссию в польском генеральном консульстве. Поэтому количество сфер коммуникации (а соответственно коммуникативная мощность) этого языка в Харбине выше, чем, например, **белорусского** языка, все носители которого в Харбине являлись русскоподданными и который не был задействован в сфере дипломатической коммуникации, а также в сфере массовой коммуникации и образования. Показатель коммуникативной мощности белорусского языка 0,18. Как указывает Н.Е. Аблова, история белорусов в Маньчжурии имеет свои отличительные особенности: «в течение первой половины XX в. в Северо-Восточном Китае не выходило ни одного издания на белорусском языке, не существовало ни одной, даже начальной школы и т. п.». Исследовательница связывает это с тем, что «процессы становления национального самосознания, имевшие место в Белоруссии в начале XX в., не находили отражения в среде выходцев из белорусских губерний, переселявшихся в Маньчжурию» [9, с. 132]. Что касается сферы религиозной коммуникации на белорусском языке, то она возникла в конце 20-х гг. XX в., когда в Харбин из Польши для руководства Русской католической епархией византийско-славянского обряда в Маньчжурию был направлен архимандрит Фабиан Абрантович, негодный католическому духовенству, поскольку он подчеркнуто говорил на белорусском языке, «вызывая этим постоянное раздражение церковных и светских властей Польши, и, в итоге, был направлен «на працу між чужымі ў Маньчжурыю» [9, с. 133]. Другие священники-белорусы оказались в Харбине также из-за приверженности идее «белорусского возрождения». Полагаем, в Маньчжурии не было препятствий говорить по-белорусски, и потому существовала сфера религиозной коммуникации на белорусском языке в определенных религиозных жанрах.

Особо следует сказать о так называемых «мертвых» языках, которые также оказались компонентами харбинской языковой ситуации – **церковно-славянском** и **латинском**. Их использование ограничивалось одной, но очень важной сферой, в значительной мере обеспечивающей национальное единство в отрыве от родины, – это религиозная сфера. Так, в Харбине с 1900 г. по 1942 г. было открыто 22 православных храма [20, с. 590-591; 21, с. 25], имелись 4 римско-католических прихода [22, с. 217]. Богослужение в православных храмах осуществлялось на церковно-славянском языке, о чем достоверно известно, в католических же, полагаем, – на латыни. Кроме того, в Харбине действовали и другие религиозные общины, общение внутри которых происходило с помощью особых языковых средств.

Отличалось от других языков положение **японского** языка, сфера использования которого расширилась после 1932 г., когда японские войска заняли Харбин и он был включен в состав Маньчжоу-Го. Резко возросла численность японского населения в Харбине: по имеющимся данным (к сожалению, без указания на документальный источник информации), в 1937 г. японцев

в Харбине было больше, чем русских, – 36945 человек против 25641 [23, с. 69]. Напомним, что в 1925 г. японцев в Харбине было 3287 человек.

Во время японской оккупации Маньчжурии и Харбина возросла коммуникативная мощь японского языка, поскольку произошло проникновение японцев практически во все сферы жизнедеятельности этого города: японские порядки и японский язык навязывались всему населению Харбина. Так, в 1935 г. преподавание в Харбинском политехническом институте переводилось на японский язык, а прием русских студентов был прекращен [9, с. 311]. Любопытная информация, характеризующая место и масштаб распространения японского – ниппонского – языка в русской газете «Время» (Харбин, 1945, № 2): *«В еврейской национальной школе 24 декабря состоялся выпускной акт, на котором присутствовали многочисленные представители еврейской общественности во главе с раввином А.М. Киселевым и председателем Национального совета евреев Восточной Азии д-ром А.И. Кауфманом. Акт начался выдачей аттестатов окончившим. <...>. Приветственные речи открыл директор школы Г.Я. Гольблат. <...>. С ответной речью от имени окончивших на еврейском языке выступил Б. Раженский, на русском языке – Д. Лапышева и на ниппонском – И. Вигдорчик».* Также в газете «Время» (Харбин, 1943, № 325) публиковались результаты соревнований по ниппонскому языку среди русских и отмечалось, что «изучение языка (японского – Е.О.) и знание его приближает эмигрантов к общей цели с Ниппон, но этому сближению двух наций намеренно препятствуют темные силы, сеющие повсеместно злостную пропаганду. Увеличение числа эмигрантов, изучающих ниппонский язык, очень желательно, и поэтому каждый курсант должен стараться привлекать новых учеников».

Нужно отметить, что японские начальники хорошо знали русский язык и изучали его [24, с. 141], чтобы прийти к взаимодействию с русскими для скорейшего достижения своих целей. Экспансия японского языка в Харбине закончилась в 1945 г., после освобождения Харбина Советской Армией.

Таким образом, на уровне экзоглоссии языковая ситуация в Харбине в начале и середине XX в. по коммуникативной мощи функционировавших там языков должна быть охарактеризована в целом как **неравновесная**: функционировавшие там языки были неодинаковы по своей коммуникативной мощи: наибольшей обладали два языка – русский и китайский, причем по коммуникативной мощи русский язык, язык пришлого населения, превосходил местный язык – китайский, что позволяет считать рассматриваемую языковую ситуацию неординарной. На уровне эндоглоссии наибольшей коммуникативной мощью по определению должна обладать литературная форма языка, способная использоваться в различных сферах общения, и потому наличие данной языковой подсистемы обуславливает изначально **неравновесность** языковой ситуации на этом уровне. Для русского языка в Харбине указанного периода данное положение является справедливым.

4. Число функционально доминирующих идиомов

Известно, что в неравновесных языковых ситуациях отдельные идиомы могут быть функционально доминирующими, и по числу доминирующих идиомов различаются однополюсные и многополюсные языковые ситуации.

К числу функционально доминирующих идиомов в Харбине первой половины и середины XX в. следует отнести **китайский и русский** языки, так как именно они обслуживают все сферы коммуникации двух самых многочисленных этнических групп. Это позволяет сделать вывод о **многополюсности** анализируемой языковой ситуации.

Итак, языковая ситуация в Харбине начала и середины XX в. соответствует следующим количественным характеристикам: 1) она **поликомпонентна**, поскольку включает в себя множество идиомов как на уровне экзоглоссии, так и на уровне эндоглоссии; 2) по

демографической мощности ЯС **разномощна**, так как численность носителей того или иного идиома различна; 3) по коммуникативной мощности анализируемая ситуация является **неравновесной**, поскольку число обслуживаемых коммуникативных сфер у каждого идиома индивидуально; 4) рассматриваемая ЯС относится к числу **многополюсных** по причине функционирования в Харбине нескольких доминирующих идиомов.

Отсутствие языковой дискриминации, языковая толерантность, высокий статус русского языка как языка образования и культуры характерны для такой сложной и своеобразной языковой ситуации, которую оказалось возможным реконструировать по данным документальных и научных источников.

-
1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л., 1975.
  2. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, метод. – М.: Наука, 1976.
  3. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978.
  4. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 616-617.
  5. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка в США. – М.: Наука, 1983.
  6. Василенко Н.А. О численном и национальном составе населения Харбина в 1898 – 1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1-3 июня 1998 г. / Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 1998. – С. 62-64.
  7. Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. – Изд. 2-е, стереот. – М.: Цитадель-трейд: Вече, 2006.
  8. Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003.
  9. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НД ИД «Русская панорама», 2005.
  10. Ykiko Koga Arreragances of the past: visual preservation and presentation in Harbian // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Вып. 4. Этнические контакты. – Благовещенск: АмГУ, 2001. С.305-323.
  11. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.
  12. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ. Харбинский фонд. Дневник 19 (2001 г.). – С. 5-6.
  13. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006.
  14. Райан Н.В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. – М.: Русский путь, 2005.
  15. Потапова И. В. Русская система образования в Маньчжурии. 1898-1945 годы: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Хабаровск, 2006.
  16. Сапелкин А.А. Из истории польской колонии Харбина (1896-1932) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – 3. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. – С. 464-469.
  17. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. – Владивосток: ДВГУ, 2002.
  18. Мальцева М.П., Терехина В.С. Общественная жизнь Харбина в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – 3. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. – С. 430-434.
  19. Весь Харбинъ на 1923 годъ. Адресная и справочная книга гор. Харбина / под ред. С.Т. Тернавского. – Харбин, 1923.
  20. Федорова Ю.С. Религиозные общины российских эмигрантов в Харбине (20-30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – 3. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. – С. 588-593.
  21. Протоирей Лазарь Новокрещеных. Русская православная церковь и эмиграция в Харбине // 100-летие города Харбина и КВЖД. Материалы конференции. – Новосибирск, 1998. – С. 25-31.
  22. Хисамутдинов А.А. Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003.
  23. Фролова О.П. Китайская восточная железная дорога и проникновение японцев в Харбин // 100-летие города Харбина и КВЖД. Материалы конференции. – Новосибирск, 1998. – С. 69-74.
  24. Золотарева Т. Маньчжурские были. – Сидней (Австралия): Харбинское и Маньчжурское историческое общество, 2000.